

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2025-4-1>

УДК 94(47).066

Attribution
cc by

ПИСЬМА И. И. ШУВАЛОВА К СЕСТРЕ ВРЕМЕН ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО ЕВРОПЕ (1763–1777 ГГ.)

Алешин Д.О.

Российская национальная библиотека

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование корпуса писем И. И. Шувалова к его сестре, П. И. Голицыной, написанных в период его 14-летнего европейского путешествия в 1763–1777 гг. На основе археографического анализа и микроисторического подхода в работе реконструируются ключевые аспекты жизни и мировоззрения вельможи в критический период его биографии. В статье рассматривается синтетическая гипотеза причин отъезда И. И. Шувалова, ставшего результатом сложного переплетения политических и личных мотивов. Детально анализируются финансовый и бытовой аспекты жизни русского аристократа в Европе. Особое внимание уделяется процессу конструирования И. И. Шуваловым образа Европы через кросс-культурный сравнительный анализ религиозных, светских и бытовых практик венского, парижского и римского обществ. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что переписка является ценным источником для изучения саморепрезентации, культурной идентичности и личностной рефлексии бывшего императорского фаворита. Работа вносит вклад в изучение механизмов культурной самоидентификации русского дворянства эпохи Просвещения и открывает перспективы для сравнительного исследования эпистолярного наследия русских путешественников середины XVIII века.

Ключевые слова: отечественная история, XVIII век, И. И. Шувалов, П. И. Голицына, эпистолярное наследие, русское Просвещение, Гран-тур, микроистория, история повседневности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LETTERS OF IVAN SHUVALOV TO HIS SISTER DURING A TRIP TO EUROPE (1763-1777)

Denis O. Aleshin

National library of Russia

Abstract. The article presents a comprehensive study of the corpus of letters from Ivan Shuvalov to his sister, Praskoviya Golitsyna, written during his 14-year European journey from 1763 to 1777. Drawing on archaeographic analysis and a microhistorical approach, the work reconstructs key aspects of the nobleman's life and worldview during a critical period of his biography. The article examines a synthetic hypothesis regarding the reasons for Ivan Shuvalov's departure, which resulted from a complex intertwining of political and personal motives. The financial and everyday aspects of the Russian aristocrat's life in Europe are analyzed in detail. Particular attention is paid to the process of Ivan Shuvalov's construction of an image of Europe through a cross-cultural comparative analysis of the religious, secular, and everyday practices of Viennese, Parisian and Roman society. The study demonstrates that this correspondence complex is a valuable source for studying the self-representation, cultural identity and personal reflection of the former favorite. This research contributes to the study of the mechanisms of cultural self-identification of the Russian nobility in the Age of Enlightenment and opens up prospects for the comparative study of the epistolary heritage of Russian travelers from the mid-18th century.

Key words: Russian history, XVIII century, Ivan Shuvalov, Praskoviya Golitsyna, epistolary heritage, Russian Enlightenment, Grand Tour, microhistory, history of everyday life.

Funding: Independent work.

Введение.

Иван Иванович Шувалов (1727–1797) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны, основатель Московского университета и Академии художеств, одна из ключевых фигур российского Просвещения середины XVIII века. Несмотря на его значительный вклад в развитие отечественной культуры, биография и обширное эпистолярное наследие этого выдающегося государственного деятеля остаются на периферии исследовательского интереса.

Наименее изученным периодом жизни И. И. Шувалова представляется его отставка после воцарения Екатерины II и последовавшее за ней 14-летнее путешествие по Европе, продолжавшееся с 1763 по 1777 гг. Восполнить данный пробел позволяет комплекс писем камергера к его младшей сестре, княгине Прасковье Ивановне Голицыной (1734–1802), хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [9; 10].

Обозначенный эпистолярный комплекс ранее не становился предметом специального исследования. Отдельные письма были опубликованы Ф. Н. Беляевым в 1845 г. в журнале «Москвитянин» с общим комментарием М. П. Погодина [3]. Издание было подготовлено на основе копий, снятых в Париже с оригиналов, хранящихся у наследницы И. И. Шувалова, графини П. Н. Фредро [3, с. 131]. Однако сличение данной публикации с документами, поступившими на хранение в Императорскую публичную библиотеку в 1877 г., позволяет утверждать, что тексты писем в ней подверглись литературной обработке: были дописаны, сокращены или объединены. Можно предположить, что данная трансформация стала результатом воздействия на Ф. Н. Беляева со стороны графини П. Н. Фредро, пытавшейся использовать историческую память о своем предке в политических целях [4, с. 263–264].

Последующие исследователи, П. И. Бартенев [2], Д. Н. Костышин [6], А. Нивье [8], О. Медведкова [13] и другие, привлекавшие письма И. И. Шувалова к сестре в качестве источника, использовали публикацию в «Москвитянине», не работая с полным комплексом оригинальных документов.

В этой связи, целью настоящей статьи является всесторонний анализ комплекса писем И. И. Шувалова к сестре как исторического источника. Применение микроисторического подхода, а также сравнительно-исторического и биографического методов позволяет раскрыть мотивы отъезда вельможи, обстоятельства его жизни за границей, эволюцию его представлений о Европе и рефлексию относительно оставленной придворной службы.

Обсуждение.

Всего сохранилось 81 послание–автограф И. И. Шувалова к П. И. Голицыной, из которых 78 относятся ко времени его путешествия по Европе¹. Физически письма представляют собой одинарные и двойные листы формата «Quatra» или их части почтовой бумаги различных европейских марок.

Важно отметить, что в некоторых письмах встречаются вставки, которые можно рассматривать как дополнительные послания к адресатам, помимо П. И. Голицыной. Главным образом, таковыми являлись другая сестра И. И. Шувалова, А. И. Ягужинская [9, л. 24, 41; 5, л. 34об.], и распорядитель его финансами в России, А. Г. Гурьев [9, л. 13, 16, 32]. Также в комплексе посланий присутствуют приписки сторонних адресантов: И. Г. Гурьева [9, л. 10, 63об.; 10, л. 15об., 35], брата вышеупомянутого А. Г. Гурьева, сопровождавшего камергера на начальном этапе его путешествия, и Ф. Н. Голицына [10, л. 43], племянника И. И. Шувалова, несколько лет обучавшегося в Европе под его присмотром.

На 29 посланиях остались фрагменты печатей с вариациями личного знака вельможи, основным элементом которых являлся вензель «I.I.S.», в кириллической транслитерации интерпретируемый как буква «Ш». Отсутствие печатей на остальных 52 письмах, судя по косвенным признакам в текстах,

можно объяснить тем, что к письмам к сестре И. И. Шувалов прилагал почту к другим своим корреспондентам.

Таким образом, технология почтового отправления заключалась в пакетировании нескольких посланий в отдельном общем конверте, направляемом П. И. Голицыной для дальнейшей пересылки внутри России. Это свидетельствует о центральной роли П. И. Голицыной в организации коммуникации брата с Россией на начальном этапе его путешествия.

Наблюдение за датами и номерами писем, которые проставлялись И. И. Шуваловым для отслеживания получения корреспонденции сестрой, позволяет сделать вывод о том, что переписка между родственниками была чрезвычайно интенсивной. Динамика общения варьировалась от нескольких писем в день до одного послания раз в 2–3 дня. Только за март–декабрь 1763 г. И. И. Шувалов написал сестре 62 письма, не считая тех, которые он забывал нумеровать или ошибочно нумеровал прежним числом [9, л. 64об.], в общей сложности — порядка 70. В дальнейшем промежутки между посланиями, вероятно, увеличивались. Судя по нумерации, за 1770 г. камергер направил П. И. Голицыной лишь 27 посланий. Данное наблюдение позволяет предположить, что первоначальный объем эпистолярного комплекса был значительно больше, в то время как до нашего времени сохранилась лишь его меньшая часть.

Пребывание И. И. Шувалов в Европе охватывало не только значительный хронологический период в 14 лет, но и широкую географию: Речь Посполитую, Священную Римскую империю, Францию, Англию, Италию и Швейцарию. Однако сохранившиеся материалы переписки могут сообщить сведения лишь о следующих этапах его путешествия:

- март–май 1763 г. — дорога от Петербурга до Вены;
- май–декабрь 1763 г. — период пребывания в Вене;
- декабрь 1765 г. — период пребывания в Париже;
- 1770–1771 г. — период пребывания в Риме.

Таким образом, можно заключить, что ценность данного эпистолярного комплекса сопряжена с методологическими сложностями его исследования.

При всей своей информативности, анализируемый корпус источников рассматривается в настоящей работе не как исчерпывающая хроника путешествия И. И. Шувалова по Европе, а как совокупность значимых, но разрозненных сведений, требующих осторожной интерпретации.

Обстоятельства отъезда И. И. Шувалова за границу заслуживают детального рассмотрения в рамках отдельного исследования. Тем не менее, следует указать на то, что в историографии к настоящему времени сложились две основные точки зрения на причины оставления им службы и отправления в долгосрочное путешествие.

Официальная версия, основанная на прошении вельможи к императрице Екатерине II, называет причиной заграничной поездки необходимость поправления здоровья [12, с. 60]. Данная трактовка событий подтверждается материалами переписки Шувалова с Вольтером за 1762 г. [14, р. 241; 15, р. 115], в которых он периодически сообщал корреспонденту о своих недомоганиях. Кроме того, тема здоровья стала одной из основных в его письмах к П. И. Голицыной уже во время путешествия.

Альтернативная точка зрения трактует отъезд И. И. Шувалова как добровольное изгнание из России, вызванное опасениями политического преследования со стороны Екатерины II [11, с. 150–151]. Поводом послужило неосторожное письмо вельможи к Вольтеру с описанием событий переворота 28 июня 1762 г., в котором была излишне преувеличена роль сподвижницы императрицы, Е. Р. Дацковой, что противоречило нарративу новой власти [15, р. 114–115]. Содержание письма стало известно Екатерине, что сделало пребывание Шувалова при дворе нежелательным.

Однако данной точке зрения противоречат упоминания самим камергером своего желания покинуть службу и отправиться в Европу еще до переворота [14, с. 240–241], а также официальное разрешение на выезд, полученное от императрицы. В то же время, в пользу версии отъезда из соображений безопасности свидетельствуют упоминания в письмах к сестре тайности времени и маршрута отправления [9, л. 13], а также следы защитных мер на письмах против их возможной перлюстрации [1].

Таким образом, в отношении причин отъезда И. И. Шувалова можно выдвинуть синтетическую гипотезу. Политическая опала послужила катализатором для реализации давно намеченных личных планов, а декларируемая потребность в поправлении здоровья была как реальным мотивом, так и удобным социально приемлемым предлогом для разрыва с двором.

Послания разных этапов многолетнего путешествия существенно различаются по своей структуре. Вероятно, это обусловлено как краткостью временных промежутков между письмами, так и разной насыщенностью событиями отдельных этапов путешествия. На основании этих двух факторах, весь сохранившийся корпус посланий можно разделить на две содержательные группы.

К первой группе относятся письма, написанные И. И. Шуваловым с 24 марта по 28 мая 1763 г. на пути из Петербурга в Вену через Нарву, Ригу, Митаву, Мемель, Кенигсберг, Торунь и Бреславль. Эти послания представляют собой краткие путевые заметки, в которых автор описывал дорогу от прежней остановки до нынешней, свое самочувствие на этом отрезке маршрута, увиденные места, произошедшие встречи и впечатления от них. С точки зрения повествования, эту группу источников можно охарактеризовать как наиболее структурированную, чему способствовала лаконичность текстов.

Вторая группа, представленная письмами из Вены, Парижа и Рима, напротив, наименее упорядоченная с точки зрения содержания. В более развернутых, по сравнению с дорожными записками, посланиях сведения о прошедших и будущих встречах, достопримечательностях, мероприятиях, погоде и самочувствии перемежаются вне четких логических связей. Эту новую манеру повествования отмечал и сам автор: «Письма мои к вам наполнены и делом, и вздором. Удовольствие, матушка, долее с вами говорить всегда в них произведет сей непорядок»ⁱⁱ.

Само содержание посланий чрезвычайно насыщено, однако в них можно выделить ряд сквозных тем.

В первую очередь, как уже отмечалось, это тема здоровья самого И. И. Шувалова. Он регулярно отчитывался перед сестрой о своем самочувствии, сообщал о влияния на него дороги или климата нынешнего места пребывания. Наиболее благоприятно в этом отношении вельможа отзывался об Италии: «Дни, мой свет, так хороши, что у меня теперь окошки открыты. Представьте: какой климат! Я благодарю Бога, весь сей год без малого припадку» [10, л. 52].

Равнозначное внимание уделялось и самочувствию самой П. И. Голицыной, также страдавшей от недугов. Особенно этот вопрос актуализировался в период эпидемии чумы 1770–1771 гг. в Москве, где сестра проживала с семьей. Примечательно письмо И. И. Шувалова от 10 декабря 1771 г., в котором он убеждал П. И. Голицыну покинуть город: «Теперь, мой свет, прилагаю к вам и князю Николаю Федоровичу просьбу и прошу: Бога ради, приезжайте в Петербург — иного способа нет. Если в Москве болезни кончились ныне по причине стужи, но нельзя знать, совсем ли сия зараза истребилась, дабы весною не сколько не возобновилась. Сверх того: как жить в доме, где все наши люди померли, и в предурном, и нездоровом месте» [10, л. 55].

Переписка также детально раскрывает материальные аспекты жизни русского аристократа в Европе. Известно, что до получения разрешения на выезд вельможа активно распродавал имущество, вероятно, с целью накопления средств для продолжительного путешествияⁱⁱⁱ. Оставшиеся в России активы были переданы И. И. Шуваловым в управление его друзьям — братьям И. Г. и З. Г. Чернышевым, а также А. Г. Гурьеву, под руководством самой П. И. Голицыной.

Свой венский быт и связанные с ним затраты И. И. Шувалов характеризовал в письме от 27 сентября 1763 г. следующим образом:

«Хочу вам описать мой дом: 2 камердинера, повар, 2 скоро[х]ода, три лакея, кучер, квартира, стол, если дома ем, на четыре персоны. Все оное стоит 150 червонных на месяц, кроме платья, что принужден был делать, и ливрею, и другие мелочные расходы. Если так везде будет, то могу з благоприятностию жить» [10, л. 10об.].

Однако оптимистический прогноз не оправдался. Средств от проданного имущества хватило лишь до конца 1763 г., после чего камергер стал регулярно обращаться к сестре с поручениями о новых продажах [10, л. 10, 15, 41] или просьбами об иных банковских операциях с векселями [10, л. 10, 45об., 52об.]. Финансовые трудности усугублялись нерегулярностью денежных поступлений, что заставляло Шувалова прибегать к займам под проценты у местных банков.

«Ожидаю от вас, мой свет, писем, также и денег. За весь сей год еще ничего не получил. Живу [в] долг. Что пришлете, надобно заплатить и вновь начать брать в долг. Я просил друга моего, Алекс[андра] Гр[игорьевича Гурьева], чтоб я всегда в начале всякой трети получать мог или в начале полугода, естли курс хороши, по чему бы я меньше терял, ибо брать в долг, платить проценты по шестиста и прочие банкировы щоты более убытка делают. Имея деньги впереди, онаго не будет» [10, л. 45об.].

По расчетам самого И. И. Шувалова, год его пребывания за границей обходился ему в 7–10 тысяч рублей [10, л. 10, 52об.]^{iv}, что в сравнении много-кратно превышало годовой доход среднего российского помещика и сопоставимо с крупными государственными расходами [7, с. 152–155].

Стоит отметить, что хозяйственно-финансовые вопросы касались не только пребывания за рубежом, но и планов после предполагаемого возвращения. В частности, средства от продажи дворца на набережной р. Мойки Шувалов велел направить на постройку нового дома в Москве:

«С прошедшою почтою послал к вам веряще письмо продать мой петербургский двор Ивану Григорьевичу Чернышеву и прочие, касающиеся до того, распорядки. Оное, мой свет, для того рассудил сделать, что у меня в Петербурге дом есть, где жить доволен по моему состоянию, в Москве же нет, и так я намерен, продав оной, тут построить, дабы, возвратясь, если Бог изволит, вместе с вами жить» [10, л. 10]^v.

Несмотря на непоследовательность повествования, в письмах к сестре И. И. Шувалов выступает внимательным наблюдателем, чьи оценки пронизаны кросс-культурными сравнениями европейских и российских духовных, светских и бытовых практик.

Будучи благочестивым человеком^{vi}, И. И. Шувалов регулярно упоминал различные духовные места и мероприятия, которые посещал [9, л. 8, 11об., 31об., 57]. В данном отношении, он с одобрением отмечал важное место религиозного аспекта в жизни наблюдавшего им венского общества:

«Народ здесь весьма богомолен: всякой час церкви растворены, воскресенья все дамы ездят к обедни без уборов и садятся вместе с простыми людьми. Весьма часто бывают ходы с образами» [9, л. 53].

Однако некоторые оценки вельможи наполнены критикой, в том числе и внутренней:

«В церкви множество скрипок, и прочих инструментов. Все оное набожности не производит. Архерейская служба наша лутче, если б подъяки не так замараны, грубы и глупы были! Ибо оные всю благопристойность затмевают» [10, л. 39].

Схожее критическое мнение он составил в отношении излишне театрализованных католических служб в Риме:

«Тому дней шесть, как здесь ходы. Правда, что лутче наших, но довольно оные видели. Великое множество попов, монахов разных монастырей. Иногда и сам Папа со всеми кардиналами ходят. Тысячи восковых белых свеч, церкви, где праздники, пребогато украшены, музыка инструментальная и голосная – играют те же симфонии, что в прошедшем карнавале на опере были, почему все оное набожности не много производит» [10, л. 46об.].

Стоит отметить, что досуг вельможи не ограничивался духовной сферой жизни. В письмах часто упоминаются посещения оперы, обеды у знакомых и выходы в свет, игра в карты, охота, осмотр достопримечательностей. В отношении этих аспектов своей жизни заграницей русский аристократ более впечатлялся бытовым распорядкам местного благородного дворянства, как, например, то, что передвигаются они, в основном, на транспорте, а не пешком [10, л. 33об.], что незваным гостям на приеме приборов не подают [9, л. 63], что празднества заканчиваются в 10 часов вечера [10, л. 33об.] или что дамам и девицам запрещено играть в карты за одним столом [10, л. 11, 34].

В отличие от венского света, в который вельможа стремительно влился и повседневную жизнь которого оценивал положительно и как вполне привычную для себя, за 8 лет пребывания в Италии И. И. Шувалов так и не смог найти общий язык с местным благородным дворянством, критикуя его за чопорность, спесивость и оторванность от культурной жизни Европы:

«Здесь в Риме, как я и прежде писал, веселиев, забав нет, но жизнь весьма спокойная. Моя охота к художествам и обхождение с иностранными и с малою частию здешних господ — все мое удовольствие. Вы знаете из прежних моих писем, что здесь дворянство по своему поведению неприятно, почему все иностранные министры с ними мало обхождения имеют. Они так обычаями, обхождением, поведением от прочих просвещенных разнствуют, как бы какия вновь люди, получивши благоучреждение. Не можно понять: земля, от которой произошли все науки, художества во все стороны, сама в таком невежестве, особливо здешней город, столица победителей и обладателей всего света в древния времена, ныне в таком состоянии. Всего несносней их спесьи церемонии: ни одна дама не выйдет из кареты, до куда факалов не вынесут. И всего смешней, что ужин, который рубля не стоит, блюды несут с факалами, и многие подобные глупые обычаи. Сами признают скучу, но веселья найти не умеют» [10, л. 49об.].

Острая критика итальянского общества особенно показательна на фоне искреннего восхищения Шувалова самим городом и его культурным достоянием: «Я приехал сюда, с новым удовольствием смотрю все редкие и удивительные вещи, которые несколько раз уже видел. в сем роде сей город единственной: строение, статуи, картины, которым подобных нигде нет» [10, л. 46об.].

В письмах венского периода путешествия И. И. Шувалов уделял особое внимание к описаниям жизни императорского двора. За год пребывания в Австрии вельможа неоднократно приглашался во дворец и загородные резиденции. В ряде писем значительную часть текста занимают описания этих приемов, пересказам разговоров с императором Францем, императрицей Марией-Терезией и членами их семьи, их персональным характеристикам. О некой благосклонности императорской фамилии к камергеру свидетельствует то, что он был одним из немногих иностранцев, участвовавших в праздновании тезоименитства императора [10, л. 5], а также удостоился чести видеть новорожденную принцессу [9, л. 33об.]. В свою очередь, сам Шувалов также крайне положительно отзывался о правящем семействе: «Императрица и фамилия ко всем весма милостивы и любими. Фамилия вся прекрасная» [10, л. 11].

Что же касается придворных церемониальных практик, подробно описывая и часто проводя параллели с российскими, камергер не находил в них чего-либо выходящего за рамки его представлений. Показателен фрагмент послания от 17 декабря 1763 г.: «...все, что о здешнем могу сказать, сего дни был во дворце и видел в церкви, как император давал кавалерии золотого руна. Церемония великолепна, но как все вещи более в описании, нежели в действии пышности имеют, и так чрезвычайного ничего нет» [10, л. 35].

О времени пребывания И. И. Шувалова в Лондоне и Париже известно относительно немного, по сравнению с Веной и Римом [2, с. 57–58]. В единственном сохранившемся письме И. И. Шувалова к сестре из французской столицы наиболее примечательно описание траурных мероприятий по случаю смерти дофина Людовика-Фердинанда:

«Довольно о своих делах вам говорить, надо письмо из иностранной земли наполнить какими-либо любопытными ведомостями. Все здесь в глубокой наружной печали о смерти дафиновой: знать здешняя, иностранные послы, которые глубокой траур имеют. Все афицианты, их дома и швейцары у ворот в плерезах. И многие всякого звания людей в подобном одеянии пешком по улицам и на извозчиках ездят. Спектакли через неделю начнутся. Были оставлены на месяц» [10, л. 41об.].

Приведенные выше наблюдения вельможи позволяют говорить о сложном процессе культурной идентификации. Шувалов не просто пассивно воспринимает Европу, а активно выстраивает ее образ через призму собственного опыта российского аристократа-просветителя.

Важной вехой в странствиях И. И. Шувалова являлись 1767–1772 гг., на протяжении которых он выполнял роль наставника для сына П. И. Голицына, своего племянника, Федора Николаевича. Судя по сохранившимся посланиям этого периода, жизнь, здоровье и успехи племянника в постижении наук и искусств стали постоянной темой переписки камергера с сестрой. Еще на пути из Петербурга в Вену в 1763 г. дядя занимался наймом педагогов для юного князя [9, л. 19]. Теперь уже он сам разработал образовательный план для просвещения племянника, заключавшийся в «разделении времени на приятное и полезное», совмещении академических занятий по точным наукам с монахами–иезуитами и насыщенной культурной программы. Вместе с Шуваловыми юный князь посещал мероприятия в домах дипломатов, осматривал римские достопримечательности, изучал архитектуру, скульптуру и живопись [5].

Письма этого периода показывают вельможу как ответственного педагога, глубоко вовлеченного в процесс воспитания и обеспокоенного моральными рисками, которые нес планируемый самостоятельный гран-тур для молодого человека:

«Мне хотелось, чтобы он со мною оную землю (Францию – Д.А.), также и Англию видел, где надобно конечно такой человек, которой бы молодаго поведения надзирал, и где столько разных забав, разделял бы его время на приятное и полезное. Кажется, незачем ездить, естли только знать театры и наизусть имяна танцов и камедиантов, и, не зная прямо нации, давать о ней иное понятие. В таковом обстоятельстве многие молодые люди, которые ездят смотреть свет и которые, вместо пользы возможной, вред приобретают. Я не знаю опаснейших мест, как Лондон и Париж для молодости: видел жалостные следствии со многими, и для того мне весма хотелось, чтоб племянник со мною вместе в обеих оных местах был» [10, л. 46].

Тем не менее, в последствии дядя отпустил племянника в самостоятельное путешествие, а сам остался в Риме по поручению императрицы [8, с. 193–194].

Особую ценность, в контексте содержания переписки, представляет глубокая личностная рефлексия И. И. Шувалова в отношении своего прошлого и будущего. Еще на пути из Петербурга в Вену оптимистические планы по постройке нового дома для себя и сестры в Москве соседствуют с мыслями о безвременном оставлении России.

Наиболее развернуто результаты самоанализа камергера проявились в венский период, как наименее отдаленный от времени оставления Родины. В письмах к сестре, как наиболее близкому для себя человеку, он выстраивает целостную философскую концепцию жизненных ценностей. В послании от 27 сентября 1763 г. [10, л. 10–10об.] Шувалов прямо противопоставляет свое прошлое — жизнь в «большом свете», полную «суетного счаствия» — будущему, в котором главной ценностью становится «спокойствие духа», достигаемое, по его словам,

лишь через удаление «от всех неизвестных обстоятельств» и существование в кругу кровных родственников и истинных друзей. Само понятие «дружба», им также переосмысляется. Теперь, лишившись высокого положения, он может отличить настоящих друзей от тех, кто был другом лишь его «благополучия»: «В отсутствии моем главное утешение приобрести знакомство достойных людей. Утешение мне до сего времени не известное» [10, л. 10об.].

Показательно, что свое пребывание в Европе он интерпретирует как возможность обрести принципиально иной опыт и иную идентичность, основанную на сознательном отказе от прежней, сугубо статусной системы ценностей. Идиллический образ «тихой и беспечной жизни» на лоне природы, который он рисует, разделяя радость сестры от «сельской жизни», становится для него идеалом, противопоставленным придворной суete.

Цитируемое письмо является манифестом новой жизненной стратегии бывшего царедворца. Завершая его словами «ни чести, ни богатства веселить меня не могут», Шувалов окончательно легитимирует свой разрыв с прошлым, создавая убедительный образ человека, нашедшего подлинную свободу в добровольном отказе от власти и статуса.

Результаты.

Проведенный всесторонний анализ сохранившегося корпуса писем И. И. Шувалова к его сестре, княгине П. И. Голицыной, за 1763–1777 гг., позволяет сделать ряд ключевых выводов, существенно углубляющих представления об этом видном деятеле российского Просвещения и его эпохе.

Во-первых, впервые проведенный археографический анализ комплекса оригинальных архивных документов демонстрирует его высокую источниковую ценность, несмотря на фрагментарную сохранность. Также исследование выявило несоответствие между единственной ранее опубликованной версией писем и их архивными оригиналами.

Во-вторых, анализ переписки позволяет выдвинуть гипотезу о комплексе мотивов длительного заграничного путешествия И. И. Шувалова. Отъезд не был ни исключительно вынужденной ссылкой, ни сугубо добровольным путешествием. Политическая опала, вызванная конфликтом с Екатериной II, стала

стимулом для реализации давнего личного стремления к путешествию, а декларируемая забота о здоровье представляется как реальным мотивом, так и легитимизирующим предлогом оставления придворной службы.

В-третьих, рассматриваемые письма являются уникальным источником по истории повседневности русской аристократии за границей, детально раскрывая финансовые, бытовые и культурные аспекты жизни в Европе.

В-четвертых, послания к сестре представляют И. И. Шувалова как вдумчивого наблюдателя, активно выстраивающего сложный и неоднозначный образ Европы. Его оценки варьируются от восхищения до резкой критики. Этот процесс кросс-культурной рефлексии демонстрирует сложную идентичность российского аристократа-просветителя, который не просто перенимает европейские образцы, но и постоянно сравнивает их с российскими практиками, выстраивая собственную оптику восприятия.

Наконец, наиболее значимым результатом исследования является раскрытие глубокой внутренней трансформации личности И. И. Шувалова.

Отдельные фрагменты писем представляются документальными свидетельствами произведенной им переоценки жизненных ценностей, конструирования новой идентичности и поиска внутренней гармонии вдали от власти и придворной жизни.

Заключение.

Таким образом, письма И. И. Шувалова к сестре времен его европейского путешествия являются не просто хроникой быта и впечатлений, но и ценнейшим историческим источником, позволяющим через микроисторический подход восполнить лакуны в биографии, реконструировать мировоззрение, восприятие и стратегии идентичности одного из ключевых деятелей русского Просвещения в критический период его жизни.

Перспективы дальнейшего исследования нам видятся в сравнительном анализе данного комплекса писем с посланиями И. И. Шувалова к другим корреспондентам того же периода времени, а также в более детальном изучении роли русского просветителя как культурного посредника между Россией и Европой.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

ⁱ Оставшиеся три письма приблизительно датированы 1778–1787 гг. и относятся ко времени после возвращения И. И. Шувалова в Россию в 1777 г. [10, л. 58–63об.].

ⁱⁱ Приводимые в исследовании цитаты публикуются без сокращений в соответствии с правилами, принятыми в археографии для издания источников XVIII в., с сохранением орфографических и стилистических особенностей.

ⁱⁱⁱ Известно, что за проданную коллекцию произведений искусства И. И. Шувалов получил из Личного кабинета императрицы Екатерины II 22 200 рублей [8, с. 193].

^{iv} Сам И. И. Шувалов по прошествии многих лет писал, что на 1763 гг. его годовой доход от поместий составлял около 4 000 рублей. Помимо этого, в октябре 1762 г. указом императрицы Екатерины II ему был назначен пенсион в размере 2 000 рублей [7, с. 192]. В этой связи, можно сказать, что расходы вельможи заграницей значительно превышали общую сумму его годовых доходов.

^v Сделка с И. Г. Чернышевым по неизвестным причинам не состоялась, и корпус дворца на р. Мойка был продан князю А. А. Вяземскому [7, с. 193].

^{vi} Об этом можно судить по регулярным поздравлениям сестры с церковными праздниками, а также постоянной формуле окончания посланий «Бог с тобой».

Список источников:

1. Алешин Д. О. Применение спектрозональной визуализации для выявления приёмов защиты писем от перлюстрации во второй половине XVIII в. (на примере эпистолярного наследия И. И. Шувалова) // Отечественные архивы. 2023. № 4. С. 32–36. EDN: YWELQY
2. Бартенев П. И. Биография И.И. Шувалова. М.: Русская беседа, 1857. 80 с.
3. Беляев Ф. Н. Письма Ивана Ивановича Шувалова к сестре его родной, княгине Прасковье Ивановне Голицыной, урождённой Шуваловой // Москвитянин. 1845. Ч. 5. Октябрь. Отд. 1. С. 131–155.
4. Голицын Н. И. И. И. Шувалов и его иностранные корреспонденты // Литературное наследство. Т. 29–30. М.: Издательство АН СССР, 1937. С. 259–342.
5. Голицын Ф. Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. № 6. Март. Кн. 2. Отд. 4. С. 87–98.
6. Костышин Д. Н. Дипломатическое поручение Екатерины II И. И. Шувалову // Философский век. Альманах. Вып. 8 Иван Иванович Шувалов (1727–1797): просвещённая личность в российской истории. СПб.: Б. и., 1998. С. 115–138.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
8. Нивье А. Автобиографическое письмо Ивана Ивановича Шувалова // Философский век. Альманах. Вып. 8 Иван Иванович Шувалов (1727–1797): просвещённая личность в российской истории. СПб.: Б. и., 1998. С. 188–195.
9. ОР РНБ. Ф. 875. Шувалов И. И. Ед. хр. 4. Шувалов И. И. Письма (43) к сестре Прасковье Ивановне Голицыной (урожд. Шуваловой). Март — август 1763 г. 66 л.
10. ОР РНБ. Ф. 875. Шувалов И. И. Ед. хр. 5. Шувалов И. И. Письма (39) к сестре Прасковье Ивановне Голицыной (урожд. Шуваловой). 1763–1787 гг. 63 л.
11. Сафонов М. М. Вольтер, княгиня Е. Р. Дашкова, Екатерина II // Вольтеровские чтения. Сборник научных трудов. Вып. 2 / Научн. ред. и сост. Н. А. Копанев. СПб.: Российская национальная библиотека, 2014. С. 149–173.
12. Яремич С. И. Основание Академии художеств в президентство И. И. Шувалова // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 123. Л.: Издательство АН СССР, 1934. С. 49–62.
13. Medvedkova O. Šuvalov A Rome (1765–1774): Histoire d'une dédicace // Cahiers du Monde russe. 2011. Vol. 52. № 1. F. 45–73.
14. Voltaire. Correspondence and related documents / ed. by Th. Besterman // Les Œuvres complètes de Voltaire. Vol. 108. Oxfordshire: The Voltaire foundation. Thorpe Mandeville house, 1972. 451 p.
15. Voltaire. Correspondence and related documents / ed. by Th. Besterman // Les Œuvres complètes de Voltaire. Vol. 109. Oxfordshire: The Voltaire foundation. Thorpe Mandeville house, 1973. 485 p.

References:

1. Aleshin D. O., *The use of spectral-band visualization to identify techniques for protecting letters from perlustration in the second half of the 18th century (on the example of the epistolary heritage of I. I. Shuvalov)*. // Domestic archives. 2023. № 4. pp. 32–36. EDN: YWELQY
2. Bartenev P. I., *Biography of I. I. Shuvalov*. Moscow: Russkaya beseda, 1857. 80 p.
3. Belyaev F. N., *Letters from Ivan Ivanovich Shuvalov to his sister, Princess Praskovya Ivanovna Golitsyna, nee Shuvalova* // *Moskvityanin*. 1845. Part 5. October. Until 1. pp. 131–155.
4. Golitsyn N. I., *I. I. Shuvalov and his foreign correspondents*. // *Literary heritage*. Vols. 29–30. Moscow: The Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937. pp. 259–342.
5. Golitsyn F. N., *The life of grand-chamberlain Ivan Ivanovich Shuvalov, written by his nephew, privy councillor Prince Fyodor Nikolaevich Golitsyn* // *Moskvityanin*. 1853. Volume 2. № 6. March. Book 2. Until 4. pp. 87–98.
6. Kostyshin D. N., *The diplomatic mission of Catherine II to I. I. Shuvalov* // *The Philosophical age. The almanac. Volume 8. Ivan Ivanovich Shuvalov (1727–1797): an enlightened personality in Russian history*. St. Petersburg, 1998. pp. 115–138.
7. Mironov B. N., *Social history of Russia in the Imperial period (18th — early 20th centuries)*. In 2 volumes. Volume 1. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2003. 548 p.
8. Niv'er A., *An autobiographical letter of Ivan Ivanovich Shuvalov* // *The Philosophical age. The almanac. Volume 8. Ivan Ivanovich Shuvalov (1727–1797): an enlightened personality in Russian history*. St. Petersburg, 1998. pp. 188–195.
9. National library of Russia. Manuscript's Department. F. 875. Shuvalov I. I. № 4. Shuvalov I. I. Letters (43) to his sister Praskovya Ivanovna Golitsyna (nee Shuvalova). March — august 1763. 66 p.
10. National library of Russia. Manuscript's Department. F. 875. Shuvalov I. I. № 5. Shuvalov I. I. Letters (39) to his sister Praskovya Ivanovna Golitsyna (nee Shuvalova). 1763–1787. 63 p.
11. Safonov M. M., *Voltaire, Princess E. R. Dashkova, Catherine II* // *Voltaire readings. Collection of scientific papers. № 2 / Scientific red. And comp. by N. A. Kopanev*. St. Petersburg: national library of Russia, 2011. pp. 149–173.
12. Yaremich S. I., *The Foundation of the Academy of Arts during the Presidency of I. I. Shuvalov* // *Proceedings of the State Academy of the History of material culture. № 123. Leningrad: The Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1934*. pp. 49–62.
13. Medvedkova, O. Šuvalov à Rome (1765–1774): Histoire d'une dédicace // Cahiers du Monde russe. 2011. Volume 52. ff. 45–73.

-
14. Voltaire. Correspondence and related documents / ed. by Th. Besterman // *Les Œuvres complètes de Voltaire. Volume 108. Oxfordshire: The Voltaire foundation. Thorpe Mandeville house, 1972.* 451 p.
15. Voltaire. Correspondence and related documents / ed. by Th. Besterman // *Les Œuvres complètes de Voltaire. Volume 109. Oxfordshire: The Voltaire foundation. Thorpe Mandeville house, 1973.* 485 p.

Информация об авторе:

Алешин Денис Олегович, ведущий археограф Отдела рукописей, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, <https://orcid.org/0009-0005-2725-6182>, denis.aleshin.2016@inbox.ru
Denis O. Aleshin, chief archaeographer, National library of Russia, Manuscript's Department, St. Petersburg, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.10.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.12.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.